

новное в дзэне, по Судзуки, – это принцип вхождения в непосредственный контакт с внутренними процессами человеческого существа без посредничества интеллекта. В этом плане Судзуки характеризовал дзэн как дух «всех религий и философий», как истину в последней инстанции. Дзэн, согласно Судзуки, спустил «дух буддизма» с «метафизических высот» до «практической науки жизни». Дзэн, по мысли философа, – это не умственная доктрина, но указатель по пути человеческой жизни. Судзуки видел в дзэн веру во внутреннюю чистоту и божественность человеческого духа, проникновение в истинную природу ума, души, для того, чтобы сделать человека собственным господином.

Евгений ПОБИРЧЕНКО

Открытие рая: сотериологическая¹ доктрина амидаизма

Идеи спасения, искупления и прощения грехов стары как мир. Квинтэссенция сотериологических построений большинства религиозных парадигм такова: человек, отпавший от Света, потерявший возможность общения с Богом, пораженный злом вопиет о милости. Сострадание Божье не знает границ, и милость Его наполняет мир, даруя человеку, как, впрочем, и любому другому живому существу, оставление прегрешений, постижение истины всего сущего, освобождение внутренних сил, раскрытие своего «Я» и, наконец, соединение с Богом, вечное пребывание в Его обители света и радости. Схожесть, а порой тождественность учений о спасении дает повод для бесчисленных спекуляций сравнительно-религиоведческого и экуменистского толка. Соблазн свести все религии к единому знаменателю велик, а печальные последствия этого процесса никогда не были столь очевидны, как в наше время. Вспомним хотя бы квазинаучный фигурализм или новые религиозные «големы» теософии, герметизма и иже с ними, базирующиеся на беспросветном эклектизме. Вышесказанное отнюдь не налагает запрет на использование аналогий в религиоведении, требуется лишь повышенная аккуратность и, насколько вообще возможно, беспристрастность исследователя. Памятуя об этом, обратим наш взгляд на Восток.

В научной и философской литературе зачастую говорится о дальневосточных цивилизациях как о царстве Безличного Абсолюта. Буддизм признается атеистическим учением, все упование человека на помощь свыше разбивается о безразличие «железных законов» сансары и кармы, а спасение равно самоуничтожению (читай: «нирвана»). В русской религиозной философии с позиции метафизики всеединства буддизм трактуется, по словам В.С.Соловьева, как восточная духовная интуиция самонахождения человеческого духа перед лицом безответной Вселенной. Конечно, это справедливо. Школы классической индобрддийской традиции возлагают полную ответственность за духовное совершенствование на самого человека, ищущего истину, совершенно не предлагая ему какой-либо Высшей, сверхъестественной помощи. Кроме того, большинство китайских и часть японских буддийских школ также абсолютизируют самоценность человека, обрекая его на вынужденное, а порой и желанное одиночество на пути к Абсолюту. Как иначе можно понять слова мастера И-сюаня (IX в.), ставшие девизом для миллионов адептов чань (дзэн) – буддизма: «Убивайте всех, кто стоит на вашем пути! Если вы встретите Будду – убивайте Будду, если встретите патриарха – убивайте патриарха!»². Большинству буддийских школ чуждо понятие «синергия» в смысле соучастия Высших сил в деле спасения человека наряду с его собственной инициативой. Но, как известно, ни одно правило не обходится без исключений, и в многоликом мире Будд таким исключением стал амидаизм, раскрывший объятия божественной любви и сострадания навстречу «труждающемуся и обремененному» страннику дальнего мира. Вслушайтесь: «Позволь ему произнести свое имя, Будда Амитабха. Позволь ему сделать это безмятежно, чтобы его голос не встретил препятствий. Позволь ему постоянно думать о Будде, пока он не исполнит десять времен мышления, повторяя при этом: “Поклоняюсь Будде Амитабхе”. С возрастанием его заслуг по произнесению имени Будды он будет, при каждом повторении, искупать грехи, в которые вовлекает его череда рождений и смертей в течение восьмидесяти миллионов кальп»³. В этих словах «Амитайур-дхьяны-сутры» как в капле воды отразилась суть амидаизма, одного из ярчайших феноменов дальневосточной духовной мудрости.

Остается удивляться тому, что это крайне неординарное и необычайно распространенное вплоть до нашего времени религиозное течение (в Китае амидаизм – одна из самых массовых буддийских школ, а в Японии – самая массовая⁴) столь тускло освещено в научной литературе. В России не издано ни единой монографии, всецело посвященной школе Чистой земли (другое название амидаизма. – *Примеч. авт.*). Эта несправедливость кажется особенно вопиющей на фоне десятков и сотен трак-

татов, посвященных другой, не менее, но и не более одиозной буддийской традиции Чань (санскр. Дхьяна, яп. Дзен).

Не берясь за объяснение феномена научной индифферентности к амидаизму, укажем лишь наличие не только эпистемологической, но и сугубо практической ценности изучения этого явления. Мы живем в эпоху диалога цивилизаций. Межгосударственные связи зиждятся не всегда исключительно на прагматической выгоде, а все чаще на духовном родстве, взаимной религиозной корректности и уважении. Перефразируя эту мысль, можно сказать, что интересы сердца доминируют над интересами желудка и мозга. Если помножить вышесказанное на архиважность для России добрососедских отношений с Китаем и Японией, а также на безусловную схожесть амидаизма с христианским мировоззрением, то становится очевидной актуальность изучения буддизма школы Чистой земли.

Для большинства религиозных традиций сотериологическая составляющая, несомненно, является базисом. Амидаизм – яркое подтверждение данного тезиса. Именно специфика сотериологических взглядов его адептов позволяет говорить об исключительной самобытности философии амидаизма в ряду сотен буддийских школ. Любая сотериология является собой раскрытие своеобразной тринитарной конструкции: Спаситель – спасаемый (человек) – результат (или конечная цель спасения).

Рассмотрим эту три-логию с точки зрения амидаистской традиции.

Главным божеством, имеющим монополию на спасение всех верующих в него, в восточных буддийских цивилизациях Индии, Тибета, Китая, Кореи, Японии признается Будда Амитабха. Много имен давалось ему на Востоке: «Амитаюс», «Цхе дпаг мед», «У лян шоу», что в переводе с санскрита, тибетского и китайского языков означает «неизмеримая жизнь»; «Амитабха», «Амида», «Амитха», «Амитофо» – с санскрита, японского, корейского и китайского языков переводится как «неизмеримый свет». Культ Будды Амитабхи сложился скорее всего в начале нашей эры на территории Индии, о чем свидетельствуют письменные источники китайских путешественников⁵, и очень быстро приобрел огромную популярность как в Индии, так и за ее пределами. Что же отличает его от других Будд?

Во-первых, интересно отсутствие Амитабхи в догматике и литературе хинаяны. Это божество встречается лишь в учениях махаяны и ваджраяны, причем в несколько различных качествах. Если в махаяне – он центральное божество культа Страны Высшего счастья или Чистой земли, то в ваджраяне – один из пяти дхьяни-будд⁶, «глава семьи лотоса»⁷. Амитабхи присущи определенные внешние атрибуты и символы: он красного цвета, находится на западе, сидит на павлиньем троне в позе созерцания, его стихия – огонь, его чувство – вкус, его цветок – белый

лотос, его символ – монах, собирающий подаяние, его праджня (женское соответствие) – Пандаравасини, его эманация – Авалокитешвара, его земное соответствие – Будда Шакьямуни, его земное проявление – панчен-лама⁸.

Во-вторых, согласно давней и до настоящего времени преобладающей в буддологии точке зрения, образ Амитабхи «несет на себе следы внебуддийского происхождения, содержит определенные элементы иранского влияния»⁹. С этим трудно не согласиться, учитывая, что «вотчина» Амитабхи находится на западе от Индии, а концепция рая для праведников была задолго до Рождества Христова разработана в рамках зороастрийского учения¹⁰. Наконец, главным отличием Амитабхи является создание им буддийского рая¹¹. В этом суть амидаистской сотериологии, в этом важнейшая заслуга Будды перед человечеством, в этом источник всех философских построений учителей школы Чистой земли. Это и мечта, и конечная цель спасения, и тема большинства художественных произведений, и благостное видение, представшее буддийским адептам во сне или в состоянии религиозного экстаза¹². Если попытаться проследить «историю» создания рая как об этом говорит традиция, то начало его коренится в воле, в твердой решимости одного из бодхисатв¹³ создать такую землю, которая бы обладала всеми совершенствами и где могли бы возрождаться все страдающие существа. Звали этого бодхисатву Дхармакара (кит. Фа Цзян), или в русском звучании – Запас Дхармы. И желание его было настолько непреклонно, что он решился принести 48 Великих обетов, среди которых важнейший, восемнадцатый, гласил буквально следующее: «После моего достижения состояния Будды, чтобы спасти все живые существа в 10 направлениях, кроме тех, кто совершил 5 мятежных действий¹⁴ и поношение праведной Дхармы, – кто развил непоколебимую веру в меня, кто желает возродиться в моей обители и кто повторил мое имя 10 раз, но не достиг своей цели, я оставлю Самбодхи»¹⁵. Спустя множество кальп¹⁶, он достиг состояния Будды и создал долгожданный рай.

Так, стремясь только к высшему Пути,
Я стану учителем богов и людей.
Моя чудесная сила своим светом
Озаряет все земли,
Отбрасывает тьму трех скверн
И освобождает всех от страдания и боли¹⁷.

С тех пор зовется он Амитабха, а его земля предстает в образе западной (иногда юго-западной) небесной страны счастья – Сукхавати (пер. с санскрита «счастливая земля»), она же: Страна благодати, Мир покоя и радости, Страна Вечной жизни, Чистая земля, обитатели которой пребывают в вечном и сладостном блаженстве¹⁸.

Непосредственное описание Сукхавати дается в «Сукхавативьюха – сутре». В этой стране законы сансары сильно ограничены, ведь перерождаются здесь только боги и люди, к тому же без какой-либо существенной разницы между собой. Очень важно подчеркнуть последний тезис, т.к. перед нами довольно нетипичный для буддизма и для религий в целом прецедент сглаживания дихотомии «бог – человек». Не нужно на протяжении десятков кальп перерождаться снова и снова для достижения состояния Будды, требуется лишь раз воплотиться в Чистой земле – и цель достигнута. Человек становится бодхисатвой высшего уровня и там же достигает нирваны¹⁹, он живет «неизмеримо долго»²⁰ и наслаждается беспредельным счастьем. В Сукхавати нет места четырем типам существ: наракам – обитателям ада; претам – голодным духам; асурам – злым демонам и животным (явный недочет в концепции рая, учитывая традиционно корректное отношение в Индии, Китае, Японии и других странах региона к животным, даже насекомым; вспомнить хотя бы типично буддийское выражение: «раздавить паука, а если в прошлой жизни он был твоей матерью?») или нечто подобное). Приведем развернутое описание Страны счастья.

«Этот мир Сукхавати, о Ананда, весь благоухает множеством прекраснейших ароматов, которыми насыщены разнообразные цветы и фрукты украшенных драгоценными камнями деревьев. Часто украшают их еще и стайки различных сладкоголосых птиц, которые были созданы чудесной силой Татхагаты. Украшенные драгоценными камнями деревья разноцветны... Они составлены из различных сочетаний семи драгоценностей: золота, серебра, берилла, хрустала, коралла, красного жемчуга и изумруда... Со всех сторон эта земля окружена золотой сетью и по всему окоему покрыта цветами лотоса... Звуки, исходящие от великих рек, столь приятны, будто сотни тысяч миллиардов музыкальных инструментов ведут свои партии, виртуозно исполняя райскую музыку. Это непостижимое, впечатляющее, ни с чем не сравнимое совершенство ласкает слух, трогает сердце, восхищает и никогда не утомляет, сколько бы его ни слушать, будто вечно говорит: “Непостоянно, мирно, спокойно и не самость”... И все желания, которые только могут прийти этим существам в голову, будут исполнены, потому что они правомерны»²¹.

Кроме сутр, картины рая довольно часто встречаются в так называемых буддийских коротких рассказах сяшо, бывших чрезвычайно популярными в Китае с V в. и представлявших из себя квинтэссенцию народного, массового, «низового» буддизма²². Приведем для примера один из таких рассказов: «В четвертую стражу вдруг раздался голос Тань-юаня, славословившего нараспев. Монах Сэн-хань очнулся и спросил Тань-юаня, что случилось. Тот воскликнул: “Я вижу Будду! Он весь из золота! Обличья и роста он такого же, какой бывает у статуй на колесни-

це. Вокруг него на чжан и более разливается золотое зарево! Приверженцы Будды с хоругвями и цветами в руках заполнили все окружающее пространство. Зрелище такой дивной красоты и великолепия, что нет слов выразить!» Тань-юань находился в западной галерее. Будда явился ему с запада, а сам он стоял в ожидании, обратясь на запад и взывая»²³. Как и в большинстве других сяошо, в этом – видение рая составляет основное содержание изложенных событий. Такие видения предстают неким трансцендентным актом общения буддийского адепта, уповающего на вечное посмертное блаженство, с Буддой Беспредельного света.

Вообще, говоря о рае Сукхавати как об одной из главных сотериологических единиц в концепции амидаизма, следует отметить тот факт, что в ней нигде не упоминается о рациональном осознании буддистами необходимости существования Чистой земли и о попытках ее конструктивного анализа. Рай – это всегда область экстатических аффектов, итог медитации, озарения, не поддающийся логическому обоснованию. Здесь близка к нулю роль авторитета учителя-основателя школы (что так не характерно для Китая и Японии – вспомним хотя бы культ Лао-цзы в даосизме и Кун-цзы в конфуцианстве – и выглядит скорее исключением), даже самые уважаемые патриархи, такие как Хуэй-юань, не являются авторами каких-либо идей, а всего лишь визионерами, удостоившимися чудесных откровений. Не в этом ли причина «беспредельной» популярности учения об Амитабхе?

И все же, заканчивая тему рая, справедливости ради отметим, что амидаизм не обладает монополией на Чистую землю и нельзя назвать его космологию беспредедентной. Ех nihilo nihit fit. Теория «беспредельной жизни» имеет свои истоки, представленные структурой мироздания так называемой «космологии асанкхея», т.е. «космологии бесчисленных»²⁴. Согласно ее канону, существует неисчислимое количество Будд и их земель – «чистых», «нечистых» и «смешанных». К «чистым землям» относятся так называемые «поля Будды» (буддакшетры) – целые миры, созданные умственным усилием некоторых Будд и поэтому отличающиеся от прочих миров своим идеальным порядком и возможностью достичь нирваны без особых усилий при помощи Будды, создавшего данную буддакшетру. Из числа этих «полей Будд» Западная Сукхавати, конечно, важнейшая, но далеко не единственная²⁵. Наша земля – саха, погрязшая в пороках, находится на юге и относится к «нечистым» или «смешанным» землям. «Чистые земли» отделены огромным расстоянием от сахи, и попасть на них человек самостоятельно не может. Вот для чего и нужен Амитабха, поклявшийся всех спасти.

Итак, подведем промежуточный итог. Теория спасения амидаизма строится на максимально детализированном образе Спасителя, коим является персонифицированный «Беспредельный свет», и имеет очевидное

преимущество на фоне большинства восточных традиций – «собственный» рай как способ и, одновременно, конечную цель спасения. Остается определить последний элемент сотериологической «три-логии». Назовем его условно – «спасаемый», или «объект спасения». Речь идет о человеке. Оговоримся, что антропология не является сильной стороной философии амидаизма. Нас же в рамках данной работы интересует вопрос не «что есть человек?», а, скорее, «что должен делать человек?», «какова его роль в собственном спасении?». Школа «Чистой земли» на эти вопросы дает крайне неординарные ответы, рождая свою исключительную мистикоаскетическую практику.

Взяв на вооружение некоторые постулаты Нагарджуны²⁶, амидаизм (особенно в его китайском и японском вариантах) разработал концепцию двух путей, ведущих к спасению: «Путь трудных поступков», заключающийся в попытке достичь освобождения, опираясь только на собственные усилия и требующий определенного героизма («не развернуться и не отступить»), и «Путь легких поступков», ориентированный на «силы Другого» (т.е. на силу обета Будды Амитабхи. – *Примеч. авт.*). В скором времени второй путь не просто оказался доминирующим, но почти полностью вытеснил опасный и элитный «Путь трудных поступков», ставший ведущим разве что в школе Чань. Не сложно догадаться, какую службу сыграл этот факт для популяризации амидаизма, ведь не секрет, что народное сознание склонно упрощать замысловатые догматические и практические установки.

Встав на «легкий путь», у адепта учения «Чистой земли» возникала очередная дилемма. Что выбрать: «Школу пути мудреца», предполагающую достижение просветления через медитацию, мудрствования, или «Школу пути Цзинту», где главное – твердая вера во всецелие Амитабхи? И опять предпочтительнее второй путь, т.к. проще и быстрее.

Все же апофеозом амидаистского Дао стала концепция о «внешних проявлениях» (*вай сяи*) духовного совершенствования, реализующихся силой обетования Амитабхи и, особенно, о «внутренних причинах» (*нэй инь*), ведущих к просветлению. Именно в основе учения о «внутренних причинах» лежит идея «думания о Будде» (*нянь фо*), та самая идея, которая являет собой квинтэссенцию сотериологии амидаизма. «Думание о Будде» есть перманентное вызывание в сознании образа Будды и достижение тем самым спасения через веру в него. Нянь фо практиковалось в трех видах: 1) посредством произнесения имени Будды; 2) посредством взирания на изображения Будды; 3) как «думание» об истинной безатрибутной (не бытийной, но и не пустотной) сущности Будды²⁷.

«Думание посредством произнесения имен» - важнейший и популярнейший медитативный прием, открывавший врата рая каждому желающему, и праведнику, и грешнику. Суть его заключается в непрерыв-

ном повторении вслух или мысленно, громким или тихим голосом имени Будды Амитабхи. В Китае принято восклицать: «Амито-фо!» (китайская транскрипция санскритского имени), а в Японии – «Наму Амида буцу!» («Восславим Будду Амиду!»). Последователи амидаизма обычно устанавливают число повторений от 50 до 500 тыс. раз в день (наиболее часто встречается цифра 70 тыс. раз в день). Где бы человек ни находился, что бы он ни делал, он обязан творить сию молитву неустанно и этого будет вполне достаточно для спасения и обеспеченного попадания в Сукхавати. Такого рода имяславие нередко встречается в мировой религиозной практике. Например, Иисусова молитва православных исихастов «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!» или девиз тамплиеров: «Non nobis, Domine, sed nomini tuo da gloriam». Однако оно всегда действует вкупе с другими практиками. Амидаизм же часто ограничивается только ей одной. Кроме имени можно повторять также мантру Амитабху, очень популярную в Китае. Проблема здесь разве что в отсутствии точного перевода текста мантры с санскрита²⁸. И все же, дабы утолить любопытство, воспроизведем санскритское мистическое звучание мантры и сопроводим ее русским переводом:

«Намо Амитабхайя Татхагатайя Тадьятха Амритабхава Амрита-самбхава Амритавикранте Амритавикрантагамини Гагане Киртичхаре Сваха».

«Мы находим убежище в Татхагате Амитабхе. Пусть будет так, - чтобы Бессмертие и Совершенство пришло, чтобы Бессмертие прогрессировало, чтобы Бессмертие прогрессировало теперь, идя по Достославному Трансцендентальному Пути – Сваха»²⁹.

Итак, «думание посредством произнесения имен» - приоритетная практика медитации. На Востоке ее относят к типу приемов, опирающихся на «возбуждение сердца» (*сань синь*), т.е., говоря современным научным языком, «стимуляцию определенных областей сознания с помощью идеомоторных психических механизмов»³⁰. Но есть еще два других вида «думания о Будде»: посредством взирания на изображения и «думание» об истинной сущности Амитабхи. Они не столь популярны и во многом утрачены, хотя сам первопатриарх китайского амидаизма Хуэй-юань активно ратовал за них. Эти усложненные практики сводились к методам «умиротворения сердца» (*дин синь*), или «взирания и выверения» (*гуань ча*). Психиатрия очень увлечена трактовкой различных традиционных психотехник и объясняет методы «*дин синь*» и «*гуань ча*» как «постепенную транквилизацию сознания с использованием ассоциативной коррекции импульсов подсознания»³⁰. С этим трудно не согласиться.

Подводя черту под темой психофизических, медитативных манипуляций, остановимся на важнейшем, скрытом пеленой непонимания тексте «Амитаюр-дхьяна сутры», полностью посвященном практике дхьяны

(сосредоточения) и описывающем 16 визуализаций Будды Амитабхи и Сукхавати. Отметим, что до сих пор эта сутра используется как «учебник спасения» во многих странах Востока. Начинается она с небольшого введения, в котором обозначаются задачи дальнейшего повествования: «Я буду учить все живые существа в грядущих поколениях как созерцать Западную Обитель блаженства, чтобы с помощью трансцендентальных сил Будды они созерцали ее так же легко, как видят свои лица в зеркале»³¹. Затем последовательно излагаются 16 методик, которые подобно ступеням ведут адепта вверх по «райской лестнице».

Представим их по порядку: 1) созерцание заходящего солнца; 2) созерцание воды; 3) созерцание земли (почвы); 4) созерцание драгоценных деревьев. Эти виды медитации типичны и характерны для большинства йогических практик восточных стран. Здесь требуется концентрация на обычных явлениях природы с последующим отпечатыванием их в сознании при одновременном наделении сверхъестественными качествами.

Далее следуют: 5) созерцание заслуги воды и 6) созерцание обители блаженства с драгоценными деревьями, почвой и водой. Это уже уровень созерцания рая, и реальные земные объекты никакого значения не имеют. Шестая глава заканчивается показательным выражением: «Такое созерцание истинно, и всякое другое ложно»³². Визуализации (7) лotosовое сиденье; 8) созерцание изображений трех святых) приводят человека к достижению Самадхи – состояния высшей гармонии и мистического просветления. Для многих школ буддизма – это конец пути, *happу end*, но только не для амидаизма.

Впереди ступень 9 – созерцание телесной формы Амитаюса Будды, когда нужно узреть «64 тыс. физических признаков Амитабхи, а каждый признак имеет 84 тыс. великолепных характеристик, а каждая характеристика испускает 84 тыс. лучей света, и каждый луч света освещает все живые существа во всех мирах и в 10 направлениях»³³. После этого остаются ступени 10 – 11 (созерцание бодхисатвы Авалокитешвары и созерцание бодхисатвы Махастмы – величайших поспешников человеческого спасения, непрестанно трудящихся на ниве нашего окормления); 12 – созерцание обители блаженства Амитаюса и 13 – созерцание трех святых обителей блаженства. Дойдя до этой стадии, якобы можно ежедневно лицезреть являющихся к тебе Амитабху с Авалокитешварой и Махастмой. Теперь спасение гарантировано, и рождения в Сукхавати не избежать, но в каком качестве и на какой «стадии нового рождения»³⁴.

Есть три класса рождения в обители блаженства: Высший (состоящий из трех стадий – Высокой, Средней, Низкой – в зависимости от пожизненных заслуг перед Буддой, Сангхой и людьми) соответствует 14-й визуализации; Средний (так же состоящий из трех стадий – Высокой, Средней, Низкой) соответствует 15-й визуализации и Низкий (аналогич-

но составленный) – это 16-я визуализация. Все вышеперечисленные стадии говорят об одном: спасется каждый, кто пожелает. Даже для самого отъявленного грешника, если перед смертью он произнесет «Амито-фо!», найдется место в раю. Что может быть заманчивей для человека, ищущего любви, сострадания и всепрощения? В этом, видимо, и кроются корни популярности амидаизма.

Подводя итог анализу тринитарного сотериологического единства «Спаситель – спасаемый - результат», для полноты картины взглянем на канон Священного Писания школы Чистой земли, который, в сущности, и содержит львиную долю информации о догматах и мистических действиях учения. Основной корпус буддийской литературы, представляющей традицию Будды Амитабхи и Сукхавати, сложился в начале V в. С санскрита на китайский язык были переведены «Три сутры», ставшие после скорой канонизации авторитетнейшими текстами амидаизма.

«Три сутры» - это, во-первых, «Сутра украшений страны счастья» (другие названия «Сутра безмерного долголетия», «Сутра неисчислимой жизни», «Большая Сукхавативьюха-сутра», «Амитабхавьюха-сутра», «Амитаюх-сутра», «У Лян Шоу Цзин»). В одном Китае она переводилась более 10 раз, что явно свидетельствует о ее чрезвычайной важности и популярности. Первый и ныне утерянный перевод датируется второй половиной II в. н.э. и принадлежит Ань Ши-гао, известному переводом сутр об аде. Наиболее ранний из ныне существующих переводов осуществлен в конце того же века миссионером Локакшемой. Интересно, что сохранился и санскритский оригинал сутры³⁵. Она содержит информацию о предыдущих перерождениях Амитабхи, о его 48 обетах, о Чистой земле, о безмерной добродетели Будды и о практике произнесения его имени.

Во-вторых, это «Малая сутра украшений страны счастья», известная также под названиями «Малая Сукхавативьюха-сутра», «Амитабха-сутра», «Амито-фо Цзин». Распространена она как в санскритском варианте, так и в китайской версии перевода Кумарадживы, осуществленном в начале V в. С меньшей степенью детализации (соотношение объемов Большой и Малой Сукхавативьюха – сутр 8:1), но с неизменным пиететом данная сутра глаголет устами Будды Шакьямуни о далеком западном рае, Чистой земле Будды Беспредельного света. Из всех сутр именно Амитабха-сутра пользовалась наибольшей популярностью в амидаистской среде. Об этом свидетельствуют частые упоминания о ней в сюжетном ряду буддийских сяшо³⁶. Из-за краткости и обилия из раза в раз повторяющихся ригорических фигур она идеально приспособлена к устной проповеди, а предельная доступность и богатая образность делают ее особо привлекательной для неискушенной публики.

И, наконец, последняя из «Трех сутр» – «Сутра созерцания Вечной жизни», она же «Созерцание Будды Амитабхи», «Сутра о взирании на безмерное долголетие», «Сутра о постижении неисчислимой жизни», «Амитаюрдхьяна-сутра», «Гуань У Лян Шоу Цзин». Санскритский оригинал этой сутры в отличие от двух предшествующих утерян, а единственный сохранившийся китайский перевод выполнен Калаяшасом и датируется серединой V в. Выше мы приводили некоторые разъяснения относительно данной сутры и, во избежание повторов, остановимся на сказанном.

Исключительную ценность «Трех сутр» постоянно подчеркивает амидаистская духовная традиция, предсказывая их роль в грядущих эсхатологических «смутных» временах: «Предвидя век окончания Дхармы, когда все Сутры и Шастры постепенно будут исчезать, Шакьямуни Будда сказал: “Сутра Амитабха, Сутра Амитаюх и Сутра Созерцания Амитабхи... сохранятся, так что все живые существа смогут чего-то придерживаться, когда истинная Дхарма начнет погружаться в забвение. В этот период тьмы, когда ненависть и вред будут преобладать повсюду, лишь несколько счастливых существ будут помнить имя Амитабхи и иметь возможность призывать его”»³⁷.

Конечно же, круг литературы, связанный с традицией Будды Амитабхи, не исчерпывается «Тремя сутрами». Нужно сказать, по меньшей мере, еще о трех сутрах, посвященных нашей теме. Первой среди них должна быть названа «Сутра сосредоточения – самадхи, в котором Будда лично являет свое присутствие» (санскр.: «Пратьютпанна-Буддхаммукхавастхита-самадхи-сутра»; другое название: «Бхадрапала-сутра»), переведенная уже во второй половине II в. упомянутым выше Локакшемой. Им же была впервые переведена «Сутра доблестного сосредоточения – самадхи» (санскр.: «Шурамгама-самадхи-сутра»), дошедшая до нас только в более поздней версии Кумарадживы (нач. V в.) и сравнимая по популярности у народа разве что с Амитабха-сутрой. Третья, изобилующая инфермальными сюжетами, «Сутра великого как океан сосредоточения-самадхи, в котором созерцается Будда» (санскр.: «Буддханусмрити-самадхи-сагара-сутра»), переведенная Буддхабхадрой в начале того же V в. Все три сутры, как и обещано в названиях, описывают видения Амитабхи и его Сукхавати, достигаемые посредством медитации³⁸.

В заключение следует упомянуть о сутре, хоть и не относящейся только исключительно к традиции амидаизма, однако напрямую повлиявшей на становление его философско-доктринальной космологической составляющей. Это сутра, одно название которой, начертанное или произнесенное, раскрывало сокровенную истину буддизма. Речь идет о самом легитимном письменном источнике всей дальневосточной буддий-

ской цивилизации – «Сутре Лотоса Благого Закона» (известна как «Лотосовая сутра», «Сутра Цветка Закона», санскр.: «Саддхарма-пундарика сутра», кит.: «Мяо фа Лянь Хуа Цзин», яп.: «Мёхо рэнгэ кё»). Кстати, может быть и не случайно совпадение в названиях школы «Лянь цзун» («Секта Лотоса» – одно из главных обозначений китайской школы Чистой земли) и «Лотосовой сутры». Праведники, населяющие Сукхавати, предварительно перерождаются внутри лотосов, а не кто иной, как сам Амитабха символически изображается цветком лотоса...

Вот перед нами лежит развернутая карта Вселенной под названием амидаизм. Все в ней находится на своих местах. Мириады миров с бесчисленными Буддами и Бодхисатвами, грязные земли, заселенные стонущими грешниками, и сотни, тысячи дорог, ведущих в разные стороны, в неведомые дали. И над всем этим, в бесплотной выси, окруженный морем лотосов восседает на своем павлиньем троне Он – ведающий судьбами, сострадающий, спасающий. Он – чье имя звучит, как раскат грома, чье имя разрушает стены темниц, чье имя повторяет каждый отчаявшийся десятки тысяч раз в день, миллионы раз в год, миллиарды раз за жизнь. И гремит на родине Татхагаты – «Амитабха!», и вторит Поднебесная – «Амито-фо!», и эхом несется оттуда, где восходит Солнце, – «Наму Амида буцу!». Имеющий уши – да услышит, имеющий мудрость – да сочтет.

Позволь ему произнести свое имя, Будда Амитабха. Позволь ему сделать это безмятежно, чтобы его голос не встретил препятствий...

Примечания

¹ Сотериология – религиозное учение о спасении.

² Васильев Л.С. История религий Востока. М., 1988. С. 332.

³ Всемирное писание: сравнительная антология священных текстов / Под общ. ред. проф. П.С. Гуревича. М., 1995. С. 279.

⁴ См.: Япония: Справ. / Под общ. ред. Г.Ф. Кима и др. М., 1992. С.336.

⁵ См.: Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. Т. 1. М., 1997.С. 69.

⁶ Дхьяни-будды (букв. «будды созерцания») в мифологии ваджраяны не представляется реально существующими и находящимися в определенных точках пространства и времени, они скорее всего – антропоморфные символы, которые во время созерцания возникают из «пустоты» и выполняют различные функции в процессе переоформления психики созерцающего. См. напр.: Мифы народов мира...С. 190.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ См.: Иллюстрированная история религий: В 2 т. Т. 2. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1992. С. 105; Энциклопедия мистицизма. СПб., 1996. С.22.

⁹ Алимов И.А., Ермаков М.Е., Мартынов А.С. Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая. М., 1998. С.249.

¹⁰ См.: Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб., 1994. С.38 - 40.

¹¹ Буддийская религиозно-философская традиция изначально не приемлет идеи рая, или

- потусторонней обители душ умерших праведников. Высший религиозный идеал буддийской доктрины – нирвана – выстроен на иных религиозно-философских основаниях и уподобления раю явно не выдерживает. Подробнее см.: Категории буддийской культуры. СПб., 2000. С.301.
- ¹² См.: Категории буддийской культуры. С.304.
- ¹³ Бодхисатва (букв. «существо, стремящееся к просветлению») – в буддийской философии махаяны человек, который принял решение стать буддой, а для этого выйти из бесконечной цепи перерождений и спасти все живые существа от страданий. Подробнее см.: Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб., 1999. С.260
- ¹⁴ «Пять мятежных действий»: убийство отца, матери, Архата, пролитие крови Будды и разрушение гармонии Сангхи. См.: Лю Гуань Юй. Секреты китайской медитации // Даоская йога. Бишкек, 1993. С.60.
- ¹⁵ Самбодхи – это состояние Совершенного Всеобщего Сознания, или Совершенного Просветления. Подробнее см.: Там же. С.59 - 60.
- ¹⁶ Кальпа («порядок», «закон») – по индуистскому исчислению «день-и-ночь» Брахмы или 8 640 000 000 «человеческих» лет.
- ¹⁷ Всемирное писание: сравнительная антология священных текстов... С.277.
- ¹⁸ См.: Буддийский взгляд на мир. СПб., 1994. С.309.
- ¹⁹ По вопросу соотношения нирваны и Сукхавати существует определенная эволюция взглядов. Она проявляется в том, что если первоначально достижение Чистой земли рассматривалось только как промежуточный этап на пути к нирване, то со временем возрождение в ней все более представлялось конечной целью спасения верующих. См. напр.: Herman A.L. An Introduction to Buddhist Thought. Lanham. N.Y., 1984. P.251.
- ²⁰ Цит. по: Мифы народов мира. Т. 1. М., 1997. С. 475.
- ²¹ Всемирное писание: сравнительная антология священных текстов... С.191 - 192.
- ²² Более подробно о них см.: Алимов И.А., Ермаков М.Е., Мартынов А.С. Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая. М., 1998; Буддийский взгляд на мир. СПб., 1994; Категории буддийской культуры. СПб., 2000.
- ²³ Буддийский взгляд на мир. С.310.
- ²⁴ Наряду с махаянистской «асанкхья-космологией» существуют также, согласно буддийскому канону, «чакровала-космология», восходящая к Диргхагима-сутре, и «сахасра-космология», разработанная сарвастивадинами. Структура мироздания в каждой из космологий имеет свои особенности – членение на сферы и уровни бытия, пребывание на которых соответствует определенным этапам продвижения верующего к конечной цели спасения. См.: Козловский Ю.Б. Японский амидаизм в эпоху средневековья // Буддийская философия в средневековой Японии. М., 1998. С.18.
- ²⁵ Вспомнить хотя бы Абхирати (букв. «наслаждение») – поле Будды Акшобхьи, находящееся на востоке, для которого характерно полное уравнивание всего: в Абхирати нет ни гор, ни долин, ни камней, все деревья имеют одинаковую высоту, все люди одинаково счастливы.
- ²⁶ Нагарджуна (II в.) – индийский философ, основатель буддийской школы мадхьямика, один из величайших учителей махаяны, признанный бодхисатвой.
- ²⁷ См.: Китайская философия: Энцикл. слов. / Гл. ред. М. Титаренко. М., 1994. С.413.
- ²⁸ Кстати, все буддийские мантры не рекомендуется переводить, поскольку теряется их эзотерический смысл и магическая сила.
- ²⁹ Лю Гуань Юй. Указ.соч. С.62.
- ³⁰ Китайская философия. С.413.
- ³¹ Лю Гуань Юй. Указ.соч. С.65.
- ³² Там же. С.68.
- ³³ Там же. С.71.

³⁴ Там же. С.62.

³⁵ См.: Буддийский взгляд на мир. С.313 - 314.

³⁶ См. подробнее: Буддийский взгляд на мир. СПб., 1994.; Категории буддийской культуры. СПб., 2000.

³⁷ Лю Гуань Юй. Указ. соч. С.60.

³⁸ См.: Буддийский взгляд на мир. С.314.

Федор ПЕТРОВ

Тюрко-монгольские культы поклонения степным духам на территории Южного Зауралья

В степях Южного Зауралья на холмах и перевалах часто встречаются относительно недавно построенные и даже совсем новые каменные сооружения в форме округлых и овальных куч, пирамид, вертикальных столбов. Все они сложены из камней неправильной формы, зачастую – весом до 100 – 150 кг, собранных на окрестных склонах. В редких случаях в центре таких сооружений находится деревянный столб из подручных материалов. Многие из этих объектов расположены поверх древних, хорошо задернованных каменных насыпей. Их широкая распространенность не вызывает сомнений. В 2001 г. в ходе работ на массиве горы Чека – самой высокой вершины степных районов Челябинской области – нами было зафиксировано свыше 15 таких сооружений на площади около 20 км². Десять из них построены поверх древних насыпей. Нами не проводился специальный подсчет таких объектов в полностью обследованной в последние годы долине реки Бол. Караганка, но даже приближительная оценка позволяет говорить о более чем ста объектах. Не меньше их и в других районах степного Зауралья.

Специалистам, работающим в степи, хорошо известно, что все эти каменные насыпи сооружают пастухи. Относительно их предназначения среди археологов бытует несколько различных версий. Считается, что они служат ориентирами для определения положения на местности; либо разграничивают зоны пастбы разных стад; либо просто возводятся пастухами от скуки, чтобы чем-нибудь занять себя в то время, пока стадо пасется в округе. Предпринятые нами расспросы самих пастухов никакой ясности в этот вопрос не внесли. Они, как правило, не могут сформулировать цель построек этих объектов и ссылаются лишь на то, что «все так делают». Типичным является рассказ егеря музея-заповедника «Аркаим» Б.К. Давлетова о том, как в молодости, работая пастухом, он видел, что